

С. Ф. ПЛАТОНОВ

Русская история

<Фрагмент>

<...> Годы 1812–1815-й в жизни Александра имели характер решительного перелома. В начале Отечественной войны Александр думал неотлучно быть при армии. Находя это бесполезным для дела, новый (сменивший Сперанского) государственный секретарь Шишков вместе с Балашовым и Аракчеевым написали Александру послание, в котором просили его отделить его судьбу от судьбы армии. Александр послушался и из армии отправился через Москву в С.-Петербург. В Москве народная масса встретила его с необыкновенным подъемом патриотического чувства, а дворянство и купечество на приеме во дворце проявили полную готовность жертвовать не только имуществом, но и собою для защиты родины. Александр был поражен мощью народного чувства; он несколько раз повторял: «Этого дня я никогда не забуду!» В сущности он мало ценил то общество, которым управлял; теперь же оно встало перед ним такою силою, которая вызывала его изумление и уважение. Отношение к управляемой среде в нем изменилось коренным образом, и он понял, выражаясь его словами, что «Россия представляет ему более способов, чем неприятели думают». С тех пор он любил повторять, что будет вести борьбу до конца, что, утратив армию, созовет «дорогое дворянство и добрых крестьян», отрастит бороду и будет питаться картофелем с последним из своих крестьян скорее, чем подпишет постыдный мир. Эта перемена в оценке общества была для Александра первым из последствий двенадцатого года. Вторым последствием был перелом в его религиозном сознании. Он сам говорил, что пожар Москвы осветил его душу и согрел его сердце верою, какой раньше он не ощущал. Деист превратился в мистика. Мало интересовавшийся Библией и не знавший ее, Александр теперь не расстаётся с нею и не скрывает своего нового настроения. Он теперь убежден, что для народов и для царей слава и спасение только в Боге, и на себя он смотрит лишь как на орудие Промысла, карающего им злобу Наполеона. Глубокое смирение было

естественным последствием этих взглядов, но эти же новые взгляды, убедившие Александра в его высоком предназначении, вели его иногда к необычайному упорству и раздражительности в отстаивании его мнений и желаний. Он получал вид человека, уверенного в своей непогрешимости, с которым было бесполезно и рискованно препираться. Не раз он терял свое обычное самообладание и впадал даже в резкость; так, однажды близкого к нему князя Волконского он при всех обещал «услать в такое место, которого князь не найдет на всех своих картах». Такой склад мыслей и такое настроение Александр сохранял до конца своих дней. В последующие годы в нем стали заметны утомление жизнью, стремление уйти от ее повседневных мелочей в созерцательное одиночество, склонность к унынию и загадочной печали.

Правительственная деятельность последних лет царствования находилась под влиянием этого сложного и странного настроения императора Александра и потому отличалась отсутствием внутренней цельности; она характеризуется уже не двойственностью и неопределенностью, а прямыми противоречиями. Победа над Наполеоном привела Европу к Священному союзу. Исправив карту Европы, приведенную в беспорядок революцией и Наполеоном, и распределив вознаграждение держав на Венском конгрессе, главенствующие монархи связали себя актом Священного союза, который был попыткой приложить к политике принципы христианства. Почин в этом деле принадлежал Александру и вышел из его мистического настроения. Цель союза — поддержать только что установленный законный порядок в Европе путем братского единения правительств и патриархально-благонамеренного управления подданными. Направленный к охранению существовавших политических и общественных форм, союз по идее был консервативным; на практике же он скоро стал реакционным, ибо был обращен на борьбу с национальным движением эпохи путем непрерывного вмешательства во внутренние дела государств для удержания в них отживающих порядков. Стоявший во главе союза Александр, казалось, стал и во главе европейской реакции. Но в то же время он насаждал в новом Царстве Польском конституционный порядок, а в 1818–1819 годах поручил Новосильцеву воскресить проект Сперанского. Новосильцев составил уставную грамоту, но она, как и при Сперанском, не получила санкции, а вновь устроенный либеральный порядок в Польше и Финляндии не был пущен полным ходом. Борьба противоположных принципов в действиях Александра была здесь очевидна, но необъяснима. Необъяснимым казался и прием внутреннего управления. Не оставивший еще мысли об уставной грамоте, Александр на деле далеко отошел от настроений молодых лет. Он остыл и стал равнодушен к внутренним делам и вопросам гражданского управления; текущую административную работу он

возложил на графа Аракчеева и вполне доверился этому неизменному своему любимцу, с которым его еще с юности связывали какие-то таинственные, историками еще не разгаданные нити. Аракчеев превратился во временщика и возбудил к себе общую ненависть не только несносной кичливостью и мелким злопамятством, но и общим приемом управления, невежественным, грубым и жестоким, являвшим собою безобразную реакцию по отношению ко всему тому, что прельщало общество в первые годы правления Александра. Люди разных положений и направлений одинаково осуждали Аракчеева, называя его проклятым змеем, извергом, вреднейшим человеком в России, но никто не мог с ним бороться. Настал тяжелый режим, напоминавший предыдущее царствование, в особенности тем, что на первом плане стали внешние мелочи военно-казарменного быта и знаменитый вопрос об устройстве военных поселений. Целая треть русской армии была переведена в новые условия быта поселенных войск. Условия эти сводились к тому, чтобы устроить войска, не отрывая солдат в мирное время от их семей и хозяйства, и облегчить государственную казну, возложив расходы по продовольствию войск на тот самый округ, в коем войска поселены. Жители местностей, назначенных для водворения войск, зачислялись в военные поселяне и подчинялись военному управлению, а сыновья их зачислялись в кантонисты и служили для пополнения войск. При Аракчеве были созданы поселения в губерниях Новгородской, Могилевской, Слободско-Украинской, Херсонской и Екатеринославской. При большом своем развитии поселения представляли собою сложную и крупную реформу, ломавшую быт значительной части населения и возбуждавшую серьезное неудовольствие подпавших реформе лиц. Столь же явное несочувствие со стороны общества вызывали и все те попытки (по выражению Карамзина) «мирское просвещение сделать христианским», которые привязывались к мистическому настроению самого Александра. Религиозный экстаз государя содействовал успехам в русском обществе искреннего и лицемерного мистицизма, истинного благочестия и показного ханжества. Трудно тогда было разобраться в том, кто лицемерит из-за карьеры, а кто искренен в делах веры и церкви; но большое число явных и неопрятных лицемеров сильно компрометировало те меры, которыми Александр и его министр духовных дел и народного просвещения князь А. Н. Голицын думали поднять истинное благочестие в России. В соединении с господством Аракчеева все эти меры производили на общество впечатление самой решительной реакции, и даже консервативный Карамзин не скрывал своего отвращения от возобладавших тогда тенденций.

